

Д. М. Азми

ПРАВОВАЯ СТРУКТУРИЗАЦИЯ И СИСТЕМАТИКА

Дина Азми

**Правовая структуризация
и систематика**

«Юстицинформ»

2010

Азми Д. М.

Правовая структуризация и систематика / Д. М. Азми —
«Юстицинформ», 2010

ISBN 978-5-7205-1052-7

Монография посвящена проблематике структуризации и систематики в праве. В ней рассматриваются вопросы о структурном строении правовых норм, их уровнево-правовосистемной и формовыражающей градации; выдвигаются гипотезы о различных срезах структурного строения права, значении и сочетании частного и публичного, материального и процессуального права; рассматривается соотношение данных о структуре права с разноаспектными показателями систематики позитивного правового материала; предлагаются новые подходы к группировке нормативной юридической ткани, классификации правовых актов. В книге исследуется структурный состав права, взаимосвязи между его системными показателями. Характеристика последних увязывается с данными нормативного правового материала. Книга предназначена для научных и практических работников юридической области, студентов, аспирантов, курсантов и адъюнатов юридических вузов и факультетов, а также для всех читателей, интересующихся вопросами права.

ISBN 978-5-7205-1052-7

© Азми Д. М., 2010
© Юстицинформ, 2010

Содержание

Введение	5
1. ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ФОРМЫ ИХ ЮРИДИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ	9
1.1. Норма права: форма, структура, разновидности	9
1.2. Правосистемные уровни юридических норм	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дина Мамдуховна Азми

Правовая структуризация и систематика

Введение

Историко-правовые данные развития отечественной доктрины в области правовой структуризации и систематики свидетельствуют о том, что в конце 30-х гг. прошлого века (т. е. во время «первой дискуссии» о системе права) юридическая наука увязывала трактовку системы права с потребностью в выявлении направлений правовой регламентации; с решением вопросов секторной систематики, изучения и исследования нормативного юридического материала. В ее рамках отечественные воззрения на систему права выражались, по сути, с **юриди-ко-классификационных** позиций, «отталкивающихся» от такого (по заявляемым в качестве «официальных», превалирующим данным, – единственного) показателя, как предмет правового регулирования. При этом далеко не всегда в правоведении «проводилась грань» между структурой, системой и систематикой права и (или) писанных нормативных юридических данных, между правовыми положениями и реализационными, учебными и (или) научными данными о них. Встречавшиеся же размежевания часто не носили последовательного характера.

Вопросы о показателях и вариациях структуризации права также всегда были актуальными для правоведения. Дело в том, что без их исследования невозможно предлагать дальнейшие решения по поводу различных аспектов правового действия, обоснованно и уверенно (насколько это вообще возможно в абстрагированной области) проводить таковые «в жизнь». Вместе с тем тематика структурного строения права интерпретируется преимущественно либо через *дуалистическую* теорию, либо «сквозь призму» юридической конструкции *«отрасль права»*.

Например, в настоящее время в отечественном правоведении, в контексте поиска оптимальных способа и формы упорядоченной градации нормативного правового материала, а также научных и практических данных о нем, достаточно часто дискусируются вопросы именно об отраслевых показателях права и законодательства. Фактически постоянно ведутся исследования (самого различного уровня) в области соотношения отраслей права с направлениями статутной (и иной нормативной юридической) регламентации, а также по поводу структуры (строения) самого законодательства. При этом со второй половины XX в. (а фрагментарно – даже и ранее) по проблеме соотношения систем права и законодательства предлагались самые различные решения, представленные в основном версиями от *чрезвычайно сближенного* до *последовательно разграниченного* понимания.

Отметим вместе с тем, что для правоведения исследование вопросов структуризации и систематики права имеет не только лишь «обособленное», «замкнутое» значение. Подобное исследование необходимо для гносеологии любых проявлений правового действия. Это определено хотя бы наличием у права такого свойства, как **системность**.

Итак, на современном этапе в правовой доктрине вновь наблюдается значительное возрастание интереса к тематике строения и систематизации права, особенно в контексте определения структурного ряда корреспондирующего явления и выявления удобоваримых видов систематики нормативной правовой ткани¹. Это обусловлено тем, что многие проблемы соответствующей области до настоящего времени остаются *нерешенными* или весьма *оспоримыми*.

¹ См., напр.: *Бабюшин О.А.* Система конституционного права как отрасли российского права: вопросы теории и практики: Дисс... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2001; *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: Дисс... докт. юрид. наук. – М., 2002; *Черенкова Е.Э.* Система права и система законодательства Российской Федерации: Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2006.

В настоящий период в отечественном правовом пространстве усматривается острая необходимость в выработке новых подходов, решений *относительно*: форм, структуры и разновидностей правовых норм, уровневой градации их правосистемных ассоциаций; понятия, видов и системообразующего значения форм выражения правовых положений; факторов и вариаций структуризации права; системных ассоциаций (объединений, аккумуляций, «конгломератов») правовых норм; содержания, значения и соотношения систем права и законодательства, отраслевых и институциональных составляющих правовой систематики; а также теории и практики различных вариаций систематики именно самих правовых актов. Этому и посвящена настоящая работа, по мнению автора которой, вопросы правовой структуризации и систематики должны рассматриваться при обращении к *философским* данным, а также (с учетом практического юридического действия) – «увязываться» с *социологическими* факторами. Нельзя забывать и о том, что право может рассматриваться и с гносеологических, и с методологических, и с феноменологических (а также и с иных) позиций. Учет *разноаспектных* сведений, как представляется, способствует достижению наиболее оптимального результата.

Отметим, что надлежащее обращение к области правовой структуризации и систематики невозможно без рассмотрения вопроса о *правовой норме* (норме права). Более того, в интересующем нас контексте таковой представляется ключевым, так как находится в основе и самого правового строения, и любого упорядочения юридической материи. Это обусловлено тем, что без наличия правовых правил нормативного характера неосуществимо и объективное (или даже субъективное) существование их строевого (в первую очередь структурного) или иного, пусть и сугубо классификационного (систематизированного), ряда.

В связи с тематикой о иерархическом (субординационном) соотношении норм права, входящих в различные правовые системы, а также вытекающей из этого проблемой определения правосистемной принадлежности ряда правилоповеденческих положений представляется необходимым пересмотреть и двухуровневый подход к градации самих *правовых систем*.

Представляется также, что аналитическое исследование тематики структуризации и систематики права требует обязательного обращения к вопросам о *формах выражения правовых норм*. Это обусловлено тем, что право как таковое познается нами через свои внешние проявления, к числу которых, безусловно и в первую очередь, относятся формальные показатели существования самих правовых норм. Кроме того, и строение права, и систематика его позитивированных проявлений не могут быть должным образом исследованы и (или) осуществлены без учета отображающих таковые форм; особенно притом, что последние также весьма разнообразны, наделены не только схожими, но и отличительными чертами.

Заметим, что в настоящее время в юридической науке и практике наблюдаются все большие расхождения по вопросу о надлежащей трактовке и обоснованном восприятии форм выражения или, говоря по-иному, – источников права. Это обусловлено не только неоднозначностью названных категорий, но и постоянным стремлением к установлению их исчерпывающего видового перечня. При обращении к словесным оборотам «источник права» и «форма права» в юриспруденции обоснованно отмечается, что содержание и соотношение указанных понятий дискуSSIONируются уже давно. Серьезные научные споры вызывают и вопросы классификации и структурирования форм юридизированного выражения правовых норм.

При рассмотрении вопроса о строении права, системе такового часто обращают внимание и на дуалистическую теорию права, предполагающую деление корреспондирующего явления на составляющие *частного* и *публичного* толка. Впрочем, в рамках, например, второй (да, в общем-то, и третьей) отечественной дискуссии о системе права тема частного и публичного права (применительно к порядкам национального уровня) практически не затрагивалась. В целом же учение о двойственном правовом строении многократно получало и в отечественном, и в зарубежном правоведении самые различные оценки и толкования. Уже только сам этот факт (помимо иных, содержательных аспектов) побуждает нас обратить внимание на рас-

смотрение дуалистической концепции компонентного состава права, на решение вопроса о ее значении с позиции определения структуры исследуемого явления и систематики его проявлений.

Далее следует отметить, что правовой режим публичного социального функционирования предполагает не только провозглашение, но и реальную гарантированность прав и свобод физических лиц и их объединений. Это предопределяет необходимость не только в создании четких, последовательных и «прозрачных» процедур реализации (практического воплощения) указанных прав, но и в социальной адекватности отражающих их юридических установлений, а также систематико-правовой «естественности» последних. Ведь отсутствие компонентов осуществления приводит к фиктивности многих правовых норм. Это, в свою очередь, способно нивелировать ценность и функциональность самих норм права; «спровоцировать» оценку таковых в качестве «не работающих». Дефекты юридической реализации неизбежно становятся пороками правовой регламентации в целом и проявляются в различных сбоях механизма ее упорядочивающего (по своему предназначению) воздействия.

В указанном контексте особое внимание следует обратить, помимо иного, на такую составляющую интересующей нас области, как *вопрос о материальном и процессуальном праве*; о содержании, взаимообусловленности, сходстве, различии и системно-правовом «ранге» названных образований. Одновременно при рассмотрении вопроса о содержании и сочетании материального и процессуального компонентов как составных подразделений системы права должно обратиться также к достаточно дискуссионному, с правоведческих позиций, вопросу о юридическом значении и соотношении понятий «процесс» и «процедура». Его решение позволит более четко установить наполнение, связи и «полюса действия» материальных и процессуальных правовых норм.

Итак, материальный и процессуальный компоненты правового строения нуждаются в разноаспектном, тщательном и рациональном исследовании ввиду константности своего фактического и восприятивного присутствия в правовом массиве, а также по причине того, что их совокупность полностью объединяет, по меньшей мере, данные объективного (объективированного) права. Неоднозначными являются и вопросы взаимодействия, соотношения, «сосуществования» материального и процессуального права как в целом, так и их отдельных частей.

Также стоит отметить, что вопрос о понимании материального и процессуального права имеет существенное значение не только в связи с проработкой темы структурного строения права, но и в контексте систематики интересующего нас явления. Это обусловлено тем, что даже в одном и том же элементе нормативного правового акта могут отражаться как собственно-материальные, так и иные (сугубо процедурные или же и вовсе процессуальные) компоненты.

Далее, в контексте тематики соотношения *систем права и законодательства* весьма важным и интересным представляется вопрос об объеме (широте) корреспондирующих «внутренних упорядоченностей». Таковой имеет значение потому, что без его решения очень трудно определить область и характер практического действия систем права и законодательства, выявить в них сходства и различия. Без последнего, в свою очередь, невозможно надлежащее установление содержательного наполнения, формально-юридического отображения и функциональной роли интересующих нас «рядов» юридического толка. По меньшей мере, сложно обнаружить общие и особенные свойства систем права и законодательства и, в конечном итоге, принять обоснованное решение о необходимости отождествления либо последовательного размежевания таковых.

При этом, поскольку проблематика *отраслевых* конструкций права и законодательства так или иначе является уже «традиционной» для отечественного правоведения, исследование области правовой систематики, говоря образно автоматически, предопределяет и необходимость ее специального, обособленного рассмотрения. Это актуализируется постоянными дис-

куссиями о количественных составах отраслевых формирований права и законодательства, об их действенном и видовом соотношении. Отдельного внимания заслуживает и вопрос о правовых (и законодательных) *институтах* (как средних, «промежуточных» и обязательных компонентах отраслевых конструкций).

Вопросы структуризации и системного деления права в прикладном аспекте находят наиболее яркое проявление при решении различных проблем систематики правовых актов (юридических документов). Это побуждает нас изложить некоторые суждения по дискуссионным «точкам» обозначенной области. Особенно актуальной видится проблематика классификации и систематизации *правовых актов*, – в том числе и из-за их значительного и, к сожалению, все постоянного увеличивающегося количества.

Вопрос о роли нормативных правовых актов и иных юридических документов в контексте регламентационного воздействия на социальное поведение имеет не только теоретическое, но и существенное практическое, прикладное значение, в том числе и потому, что несоответствие идеи действительному содержанию нормативного (ых) юридического (их) установления (ий) способно «породить» значительное число негативных последствий. При этом, безусловно, нужно стремиться к повышению качества изложения нормативного правового материала, – ибо погрешности юридической техники способны «свести на нет» все самые разумные нормотворческие побуждения, – но нельзя забывать и о том, что даже идеальный, с позиций «технического исполнения», но оторванный от «идеи» права текст нормативного правового акта будет оставаться не более чем совокупностью статей, не находящих адекватного социального воплощения.

Итак, наблюдаемое в правоведении многообразие правовых позиций в области правовой структуризации и систематики, их противоречивость, сложность определения и разграничения выделяемых компонентов не только свидетельствуют о необходимости переосмысления существующих сейчас воззрений, практик и конструкций, но и требуют выработки **новых** гипотез, методологических подходов. Некоторые соображения по данному поводу и будут представлены нами в настоящей работе.

1. ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ФОРМЫ ИХ ЮРИДИЧЕСКОГО ВЫРАЖЕНИЯ

1.1. Норма права: форма, структура, разновидности

Нормам права посвящено большое число специально-юридических исследований; в том или ином срезе и (или) контексте данная проблематика затрагивается практически в каждом труде правовой направленности.

В подтверждение этого укажем, что очень наглядно значимость и актуальность, многогранность и дискуссионность вопросов о юридических нормах была отображена таким выдающимся правоведом, как Г. Кельзен, отмечавшим, в числе иного, и субъектно-действенные аспекты и вариации интересующих нас поведенческих правил. Так, ученый высказывал мнение, что интерпретация законодательных предписаний вовсе не обязательно влечет за собой всего одну, «неизбежную» версию восприятия. По общему правилу, оных как раз несколько; причем в случае своей обоснованности и «относимости к делу» (а точнее – к соответствующей норме права) собственно-содержательного примата друг перед другом интерпретационные вариации не имеют. Но ввиду всего лишь конкретных жизненных обстоятельств в сферу позитивного права будет «внедрена» та позиция, что отобразится в судебном решении; а соответствие правоприменительного акта статуту не будет означать наибольшей адекватности в понимании сути истолкованной правовой нормы – оно будет свидетельствовать только о законности самого юрисдикционного акта.

Именно исходя из этих рассуждений, Г. Кельзен выводил положение, согласно которому «судебное решение – одна из возможных индивидуальных норм в пределах общей нормы, а не... лишь единственно возможная индивидуальная норма»².

Не отрицая и значения того, что содержание, количество, а иногда и качество правовых норм находится в зависимости от воли и интересов правовых субъектов, Г. Кельзен обратил внимание на такой неоднозначный аспект тематики правовых норм, как их реализация, практическое осуществление (неизбежно связанное с истолкованием): «традиционная юриспруденция до сих пор не нашла объективно верного пути разрешения конфликта между волей и ее выражением... даже принцип так называемых сбалансированных интересов есть лишь формулирование проблемы, но не ее разрешение. Он не дает объективного стандарта, согласно которому противоборствующие интересы могут быть сравнены между собою для разрешения конфликта между ними. В частности, этот стандарт не может быть извлечен из толкуемой нормы, из статута, где она содержится, или из правовой системы в целом, как это предполагает доктрина балансирования интересов. Необходимость «интерпретации» возникает именно из-за того, что норма, подлежащая применению, – или система норм – предоставляют несколько возможностей, что в действительности означает: ни норма, ни система норм не могут определить, какой из вовлеченных интересов оказывается важнее... Воля проникает в индивидуальную норму в процессе применения статута, при условии, что посредством этого общая норма приобретает конкретное содержание... Закон предписывает нечто абсурдное, но это может случаться; законы, в конце концов, дело рук человека. Норма вообще может быть лишена смысла, тогда никакое толкование не сможет выжать из нее смысла, так как интерпретация не может извлечь из нормы то, чего в ней нет»³.

² Kelsen H. About the Theory of Interpretation //Legal Studies. Vol. 10. – 1990. – № 2, July. – P. 127–135.

³ Kelsen H. About the Theory of Interpretation //Legal Studies. Vol. 10. – 1990. – № 2, July. – P. 127–135.

В упомянутом контексте «свободы нормативно-регламентируемого усмотрения» уже отечественный правовед В.Н. Кудрявцев утверждал, что «общая, абстрактная норма значительно удобнее для квалифицированного юриста. Но ведь... законы создаются не только для юристов»⁴.

Представляется, что *конкретизированная юридико-нормативная регламентация* удобоварима для отображения поведенческих правил *запрещающего и, возможно в ряде случаев, предписывающего толка*, во всех же остальных ситуациях таковая должна носить четкий *направляющий, но не детализированный* характер.

Указанное выше позволяет усмотреть, что обращение к области правовой структуризации и систематики невозможно без рассмотрения вопроса о правовой норме (норме права). Более того, в интересующем нас контексте таковой представляется ключевым, так как нормативное правовое положение находится в основе и самого правового строения, и любого упорядочения юридической материи вообще. Это обусловлено тем, что **без наличия правовых правил нормативного характера невозможно и существование их строевого, структурного или иного классификационного (систематизированного) ряда**. Например, в вопросах структуры права значимость норм проявляется, в частности, в том, что именно они (и изначально, и в конечном итоге) должны обеспечивать единство юридической ткани различной видовой (в том числе и по уровню) принадлежности. Именно свойства элементарных, можно сказать первичных, правовых звеньев (т. е. норм) создают обобщенные характеристики, представления о тех или иных правовых областях (образованиях, ассоциациях). Например, сформулированные в Уставе Организации Объединенных Наций нормы, отражающие основные принципы международного права, проявляются во всех иных международных правовых документах, в наднациональной правовой регламентации в целом⁵.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что именно проблематика правовой нормы (а не, например, статьи нормативного правового акта) имеет ключевое значение для вопросов систематики права. Это верно даже в том случае, если под строением (и (или) системой) права понимается упорядоченность и взаимосвязь предписаний, содержащихся только в писаном юридическом материале.

Весьма яркое высказывание на данный счет встречается у А.Ф. Черданцева: «введение нового акта в силу в определенной мере меняет установившиеся внутрисистемные связи. Следовательно, вводя в действие новый нормативный акт, законодатель должен предусмотреть и издание сопутствующих норм (коллизионных, оперативных и т. п.), которые упорядочили бы внутрисистемные связи права, нарушенные изданием нового акта. Внутрисистемные связи норм права необходимо учитывать и в процессе реализации норм права (при толковании, применении и т. д.), ибо любое общественное отношение, как правило, урегулировано лишь определенной совокупностью взаимосвязанных норм. Таким образом, анализ существующих связей в праве имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо помогает выявить дифференциацию права и его интеграцию, те характерные моменты, которые придают системе права единство, целостность, а ее элементам взаимосвязанность»⁶.

Весьма значим вопрос о правовых нормах и непосредственно для области законодательной (и подзаконной) юридической систематики. Причем здесь он неразрывно связан с такими специальными конструкциями, как отрасль и институт законодательства. В данном срезе представляется обоснованным и верным существующее в юриспруденции положение о том, что юридические конструкции способствуют логичности связок правовых норм, последовательно-

⁴ Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – С. 248.

⁵ Статья 2. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Действующее международное право. – Т. 1. – М., 1996. – С. 7–33.

⁶ Черданцев А. Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8. – С. 17.

сти, взаимной увязанности и согласованности их изложения, а также недопущению и (или) преодолению реальных юридических пробелов, надлежащему техническому отображению юридико-поведенческих правил⁷.

Следует согласиться и с тем, что «первичные ассоциации норм... это – общность не равноправных предписаний, а скорее одна основная норма со «свитой» сопровождающих ее конкретизирующих предписаний... Статьи нормативного правового акта – это типическая форма выражения и закрепления ассоциации нормативных предписаний. Изучение структуры кодифицированных нормативных актов... свидетельствует о том, что статьи во все большей степени используются законодателем для группировки правовых предписаний, т. е. в систематизационных целях»⁸.

В связи с этим исходным, особо значимым и интересным представляется вопрос о структурном строении самой правовой нормы (нормы права); о составляющих таковую элементах обязательного и (или) факультативного толка. Этот вопрос имеет большое значение для исследования и решения специально-юридических проблем систематики права и законодательства (в широком значении последнего), видов и соотношения различных формально-юридических источников, качества писаного правового материала. По верному замечанию А.Ф. Черданцева, «единство, целостность и взаимосвязанность элементов системы права вытекают из единства генетических связей норм права»⁹.

Тем не менее в правовой доктрине обозначенный вопрос «традиционно» решается поливариантно. «Отправной точкой» его рассмотрения является *дефиниция нормы права*, которую по «общему правилу» принято определять в качестве общеобязательного, формально-определенного поведенческого правила, исходящего (посредством установления или санкционирования) от государства или, соответственно, уполномоченных субъектов международного права и, в случае необходимости, обеспечиваемого посредством принудительных сил корреспондирующей организации публичной власти. Данное определение представляется обоснованным, отображающим и суть, и характерные («коренные») черты (т. е. признаки) нормы права.

При этом в отношении норм международного права принято (в качестве отличительного свойства) особо указывать на то, что они создаются самими суверенными (или первичными) субъектами наднациональной юридической общности (т. е. государствами и (или) борющимися за свою независимость народами и (или) нациями). Таким образом, градация правил социального поведения международного уровня производится в том числе и посредством обращения к категории «*субъект права*». Позволим себе заметить, что материалистическая природа «лица» лежит и в основе «традиционно» используемого в отечественной юриспруденции классифицировании субъектов права на индивидуальные (физические лица) и коллективные, или групповые (юридические лица и «приравненные к ним» субъекты).

С теоретических позиций это деление представляется неточным. Для подтверждения достаточно привести очень распространенный и простой пример: юридическое лицо может составлять и один физический участник; при этом в качестве организации такое лицо попадает в «коллективную группу», хотя объединения (коллектива, группы), по числу участвующих субъектов, в данном случае и не имеет места быть.

Мыслится, что наиболее корректной является генезисная градация субъектов права на *первичные* и *вторичные*. Как указано выше, таковая устойчиво присутствует в международном праве. Если же прибегнуть к общетеоретическому уровню юридического обобщения, то можно заметить, что, за исключением самого физического лица, все иные субъекты права выступают плодом его творения, результатом деятельности. Это относится и к государству, и к межго-

⁷ См., напр.: Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 15.

⁸ Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 116, 117.

⁹ Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8. – С. 11.

сударственным формированиям, и к общественным объединениям, и к юридическим лицам. Онтология ни одной из этих ассоциаций априори невозможна без существования представителя рода *homo sapiens*. Получается, что все иные субъекты права являются производными по отношению к такому участнику юридической жизни, как физическое лицо. Человек же, как представитель рода, является первичным (своего рода безусловным, суверенным) субъектом права. Отсюда и вытекает предлагаемое нами деление лиц на первичных (суверенных, основных) и вторичных (производных), зависящее от природы участников юридической жизни и степени «естественности» (безусловности) исконной принадлежности таковых сфере действия права.

Возвращаясь к вопросу о *строении правовой нормы*, для объективности укажем, что в отношении отдельных срезов данного исследовательского направления в юридической среде наблюдается достаточно устоявшееся рассмотрение. Это относится к положениям о том, что: 1) логическая структура правовой нормы выражается словесной формулой «если – то – иначе» (что в «переводе» на специально-юридический язык означает – «гипотеза – диспозиция – санкция»); 2) строение оной представлено (по крайней мере, по «классической» модели) условием (гипотезой), непосредственно самим правилом поведения (диспозицией) и мерой юридического воздействия на реализатора правовой нормы (санкцией); 3) без диспозиции нельзя констатировать наличие интересующей нас разновидности социального поведенческого правила.

Вместе с тем, касательно обязательности «присутствия» в каждой правовой норме всех трех составляющих элементов, юриспруденция характеризуется достаточно широкой «палитрой» мнений. Базовые направления решения корреспондирующего вопроса при этом могут быть представлены дихотомией: любая норма всегда (не всегда) содержит в себе все три структурных компонента.

В связи с этим сразу же отметим, что *части структурного характера в явлении отсутствовать не могут*, ибо они носят для такового константный, закономерный, сущностный, строеобразующий характер¹⁰. Констатация факультативности наличия уже сама по себе будет свидетельствовать в пользу того, что речь идет об элементе (ах) неструктурного ряда.

По меткому замечанию Д.А. Керимова, «части правовой нормы настолько органически связаны между собой и настолько непосредственно подчинены целому, что их раздельное существование бессмысленно»¹¹.

Верным представляется и указание на то, что «...«клеткой» системы права является правовая норма. Ее понятие... должно наряду с социальной природой и содержанием нормы отражать ее структуру, свойства, лежащие в основе системообразующих связей между нормами и их группами. Наиболее близкие к этому требованию определения содержат указания на то, что правовая норма есть модель правоотношения. Уточним данный признак. Во-первых, только центральная часть нормы (диспозиция) есть полная модель правоотношения, описывающая три группы его элементов: субъекты, их взаимосвязи (права и обязанности), объекты. Гипотеза нормы – это описание юридического факта, порождающего данное правоотношение, а санкция – часть модели другого, обеспечивающего правоотношения. Во-вторых... все общественные отношения... (это — Д.А.) связи между субъектами по поводу объектов. Следовательно, названные три элемента присущи любому общественному отношению. Структура моделируемого правоотношения соответствует структуре регулируемого неправового отношения, поскольку первое есть форма второго. В-третьих, совокупность моделей правоотношений, содержащихся в структуре системы права, т. е. все право, представляет собой общую модель правовой жизни общества. Деление системы права на структурные элементы и их груп-

¹⁰ Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права 1938–1946 годов. – М., 2009.

¹¹ Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М., 1972. – С. 266.

пировка основываются на трех видах системообразующих связей между правовыми нормами: связи по однородным субъектам, по их однородным взаимосвязям (правам и обязанностям) или по однородным объектам. В любой системе права имеются элементы, выделенные по каждому из трех оснований. Три вида связей, т. е. три основания классификации норм, и есть критерии, по которым строится система права. Политические, экономические, социокультурные и иные факторы, обуславливая содержание права (какие субъекты, по поводу каких объектов, какие права и обязанности должны исполнять), тем самым определяют строение его системы. Данное представление следует конкретизировать путем выяснения свойств исторических типов системы права. В литературе иногда недооцениваются структурные различия этих типов, в результате системы права различных типов предстают как почти одинаковый набор отраслей»¹².

Тем не менее, как мы уже говорили, по проблематике строения правовой нормы (и корреляции таковой с вопросами систематики права) есть и отличные мнения. В частности, отдельного, по меньшей мере «обзорного» внимания заслуживает неоднозначная, по нашему мнению, позиция С.С. Алексеева по вопросу о составе правовой нормы. Для дальнейшего понимания прежде всего необходимо подчеркнуть, что ученый отличал правовую норму от элементов (статей, частей, пунктов) нормативных правовых актов.

Более того, он уделял особое внимание их соотношению, выявлению между ними различий: «в большинстве случаев логическая норма обнаруживается в нескольких статьях нормативного правового акта или даже в разных нормативных актах... Усиливающийся процесс специализации права приводит к тому, что элементы логических норм все более рассредоточиваются в нормативных актах», «правовое предписание и статью нормативного акта нельзя отождествлять. И дело не только в том, что в одной статье закрепляется по большей части несколько предписаний, но, главным образом, в том, что предписание и статья – явления разноразличные, и поэтому допустимо говорить лишь о соответствии их друг другу. Нормативный юридический акт и все его подразделения (разделы, главы, статьи, отдельные фразы правового текста) относятся к внешней форме права, представляют собой способ документально-словесного изложения содержания права. Правовые же предписания – первичные явления развитой правовой системы, относящиеся к ее содержанию... При неофициальной и некоторых формах официальной инкорпорации предметом систематизации служат части текста нормативного акта, например отдельные статьи. Но при консолидации, а тем более при кодификации законодательства предмет систематизационных действий составляют непосредственно юридические нормативные предписания, а не статьи (хотя они принципиально и совпадают)... Сами по себе «статьи, пункты, абзацы и т. д.» – это именно части текста нормативного акта, выражающие нормативные предписания. Выражающие, а не образующие»¹³.

Данное утверждение представляется истинным и с сугубо гносеологических, и с онтологических, и с феноменологических позиций.

Добавим также, что, по нашему мнению, правовая норма отличается целостным (цельным) характером своего строения. В соотношении, во взаимодействии с иными элементами правового бытия норма права «предстает в нерасчлененном виде», так как «элементы делимы в себе, но они неделимы по отношению к существенным отношениям системы, элементами которой они являются. Но если фиксированы структурные отношения объекта (а объект – всегда система), то в таком случае элементы необходимо предстают как неделимые части системы».

¹² Кикоть В.А. Система советского права и перспектива ее развития: «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право. – 1982. – № 8. – С. 46.

¹³ Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 31, 85.

Под элементом «имеется в виду минимальный компонент системы или же максимальный предел ее расчленения»¹⁴.

Все компоненты правовой нормы связаны друг с другом именно с необходимостью, т. е. являются не только обязательными, но и нерасторжимыми, структурными частями. Кроме того, именно сама норма права (а не ее отдельные части) взаимодействует с иными проявлениями правовой среды и способна к вхождению в состав более крупных, объемных структурных звеньев. Это также свидетельствует о ее совокупной целостности.

В свою очередь, С.С. Алексеев, даже в рамках одного и того же труда, отмечал, с одной стороны, что «...Элементы содержания предписания (гипотеза, диспозиция, санкция) не являются в свою очередь самостоятельными, автономными правовыми образованиями... в содержании и характере элементов нормативного юридического предписания (гипотезы, диспозиции или санкции) проявляется не только дифференциация юридических норм, выражающая процесс специализации, но обусловленная этим же процессом известная интеграция нормативного материала...»; а с другой – указывал, что «...в юридической литературе получило довольно широкое распространение представление о том, что каждая норма права как первичное звено правовой системы реально имеет три элемента (гипотезу, диспозицию, санкцию). Если исходить из теоретических положений о системности права, его специализации, наличии в нем иерархии структур, то уязвимость подобного представления окажется очевидной. В частности, ошибочно стремление изобразить каждое отдельное государственно-властное предписание как бы «правом в миниатюре», в котором непременно должны быть все черты и элементы права в целом, в том числе и санкция – указание на меры принудительного воздействия... Верная для характеристики логических норм, т. е. первичных связей в идеальной структуре права, выражающей его государственно-властные свойства, эта схема непригодна для анализа реальных частиц правовой системы, отличающихся высоким уровнем специализации.»¹⁵.

При этом наличие в правовой норме не только гипотезы, но и диспозиции С.С. Алексеев считал обязательным: «...нет ни одного нормативного предписания, из содержания которого не следовала бы воля законодателя об условиях действия данного предписания. Эти условия могут быть всеобщими либо могут сводиться к указанию на субъектный состав..., но они непременно существуют.»¹⁶.

В данной связи не ясно, что конкретно ученый подразумевает под «отдельным государственно-властным предписанием», как и на основании каких параметров определяется обособленность, а следовательно, и завершенность такового. Дело в том, что если исходить из критерия возможности профильного действия, т. е. способности вызывать юридические последствия, то правовая норма должна истолковываться в качестве завершенной лишь в том случае, если помимо непосредственно самого поведенческого правила («сердцевины» нормы) наличествуют условия его функционирования, в том числе и по части указания на последствия, наступающие для реализатора (ов). В противном случае ни о каком реальном юридическом действии, ввиду **отсутствия правовых связей**, речи идти не может; а, следовательно, вместо нормы права (в собственном смысле слова) мы столкнемся с неким схоластическим утверждением, отрицанием или описанием. В свою очередь, отображение правовой нормы в писаном юридическом материале на практике может быть не только разрозненным, но и неполным – например, не содержащим указания на «снабженность» санкцией. Кстати, последняя, по нашему мнению, может быть не только негативной, но и позитивной (например, для реализатора (ов) поощрительного (ых) предписания (ий)).

¹⁴ Овчинников Н.Ф. Структура и симметрия // Системные исследования. Ежегодник. – М., 1969. – С. 117; Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. – М., 1973. – С. 184.

¹⁵ Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 91, 92, 95.

¹⁶ Там же. – С. 99, 100.

Но данная ситуация воспринимается нами не в качестве должного, а как возможный или действительный дефект (порок) правовой регламентации. Чаще же различные элементы нормы права просто-напросто (по надлежащим или ненадлежащим юридико-техническим причинам) изложены отсылочным (ссылочным) или бланкетным способом.

С.С. Алексеев в то же время полагает, что трехзвенное «расчленение» правовых норм способствует их упрощению, потере сутевых моментов. Мыслится, что такой вывод возможен только при неучете правовых связей (связок), нивелировании или недооценке их значения.

Таким образом, воззрения С.С. Алексеева на вопрос о строении правовой нормы видятся, условно говоря, «не выдерживающими единой линии»; а иными словами – не вполне последовательными.

Для надлежащего изучения стоит обратить внимание и на то, что в специальной литературе принято отмечать: норма права выражается «обычно» в письменной форме и излагается в статьях нормативных правовых актов (являясь их содержанием). Тем самым при характеристике правовой нормы весьма часто подчеркивается ее «связь» именно с нормативным правовым актом. Возможно, такое видение проистекает из господствовавшей в советский период вариации нормативистской концепции понимания права, согласно которой «нормы социалистического права всегда содержатся в официальном, исходящем от государства акте». Однако общая теория права современного периода в целом также подобного подхода почему-то не опровергает¹⁷.

Кроме того, наряду с термином «норма права» (или «правовая норма») в юридической литературе используются также и иные специальные обороты: например, «правовое предписание», «нормативное правовое предписание», «нормативное предписание». По сути, они ориентированы как раз на отображение увязки правовых норм с писанным юридическим материалом. Причем термин «правовое предписание» был введен в отечественное правоведение А.В. Мицкевичем¹⁸, а С.С. Алексеев, в свою очередь, чаще оперирует понятием «нормативное правовое предписание» (или, сокращенно, – «нормативное предписание»). По замечанию самого С.С. Алексеева, «под нормативным правовым предписанием следует понимать элементарное, цельное, логически завершенное государственно-властное веление нормативного характера, непосредственно выраженное в тексте нормативного юридического акта... Государственно-властное веление высокоразвитой специализированной правовой системы и является нормативным предписанием. Понятие нормативного предписания не следует противопоставлять понятию правовой нормы. Предписание (норма-предписание) и есть «живая» юридическая норма развитой правовой системы, отличающейся высоким уровнем специализации.»¹⁹.

Далее, в отечественной юридической литературе принято указывать, что системность правовых норм должна отображаться при создании нормативных правовых актов²⁰. Это, в числе иного, обусловлено и разницей в телеологическом действии интересующих нас разновидностей правил социального поведения.

Так, по словам А.Ф. Черданцева: «...именно функциональная специализация служит основанием для деления норм той или иной отрасли права на общую и специальную, выделения в отраслевых кодексах «Общей части»... или «Общих положений»... Функциональная специализация отдельных норм и институтов «Общей части» проявляется в том, что они, как правило, регламентируют не какое-либо общественное отношение в целом, а лишь

¹⁷ Теория государства и права / Под ред. В.М. Курицына, З.Д. Ивановой. – М., 1986. – С. 228; См. также, напр.: Морозова Л.А. Теория государства и права: Учеб. – М., 2003. – С. 204; Сырых В.М. Теория государства и права: Учеб. – М., 2005; Теория государства и права: Учеб. для вузов / Под общ. ред. О.В. Мартышина. – М., 2007. – С. 272.

¹⁸ Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов власти и управления СССР. – М., 1967. – С. 34.

¹⁹ Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 81, 82.

²⁰ См., напр.: Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. – М., 1962. – С. 55.

один из элементов общественных отношений, составляющих предмет регулирования данной отрасли права или даже отдельную сторону, признак, черту того или иного элемента отношений. Например, институты правоспособности, дееспособности, безвестного отсутствия – в гражданском праве, невменяемости – в уголовном праве регламентируют отдельные признаки, черты субъекта как элемента общественных отношений. В этой связи представляется узким понимание института права как совокупности правовых норм, регулирующих типичное общественное отношение или определенную разновидность общественных отношений, или однородные общественные отношения, или определенные группы однородных общественных отношений... Данное понятие правильно для институтов «Особенной части» отрасли права, институты же «Общей части», как правило, регулируют не отношения в целом, а лишь их отдельные элементы.»²¹.

Подобные указания также акцентируют внимание на писаной форме отражения правовых норм. Причем, применительно именно к приведенному высказыванию, выразим мнение о том, что об односторонности действия различных групп норм «общей части» можно говорить лишь в том смысле, что таковые затрагивают разные срезы (аспекты, грани) тех или иных социально-правовых явлений.

При этом, в отличие от норм «особенной части», положения части «общей» должны быть основополагающими, определяющими для всей правовой области корреспондирующего содержательного действия. В свою очередь, нормы «особенной части» вполне могут предусматривать регламентацию того или иного общественного отношения «в целом»; но лишь в том смысле, что таковое является более конкретным проявлением положения (ий) общего характера. Таким образом, в рассматриваемом вопросе *характеристики правовых норм должно увязывать с уровнем, адресным и конкретизированным предназначением их действия* (ибо отсутствие этого способно привести к интерпретационным порокам).

В связи с этим наиболее точной представляется позиция, согласно которой *любая правовая норма*, а особенно та, что отображена посредством абстрактного способа формального изложения, *включает* в себя *некий обобщающий компонент*. Это предопределено именно **свойством нормативности** (модельности, неперсонифицированности) соответствующего поведенческого правила. Правовым ассоциациям (объединениям, областям), в свою очередь, свойственна определенная цельность профильных нормативных обобщений. Таковая может выражаться и посредством принципиальных, установочных или дефинитивных правовых норм, и в общности цели, функций, приемов и способов правовой регламентации, единстве профильных понятий и категорий.

Именно такой подход отражен у В.Н. Кудрявцева применительно к исследованию формирования «законодательства о преступлениях»: «история развития уголовного законодательства свидетельствует о том, что, как правило, правовая регламентация определенной группы общественных отношений начинается с создания норм, предусматривающих более или менее частные случаи. Затем постепенное накопление отдельных норм Особенной части приводит к созданию обобщенных формулировок. Однако потом они изменяются или дополняются, наращивается новая система, которая впоследствии вновь может получить обобщенное выражение». Этот же ученый говорил, что существование в уголовном праве специальных норм обусловлено потребностью «уточнить, конкретизировать степень... общественной опасности и соответственно предусмотреть санкцию строже или мягче, чем в общей норме.»²².

Так или иначе, по вопросу о **форме правовых норм** думается, что поскольку имеющие правовое значение правила социального поведения содержатся не только в статутах и подзаконных нормативных правовых актах, более того – не только в писаном правовом материале, но

²¹ Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8. – С. 13.

²² Кудрявцев И.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1972. – С. 247, 248.

и в иных, в том числе неписанных, видах формально-юридических источников (в чем заключается и, одновременно, проявляется совокупное специальное, профильное значение корреспондирующей категории), то «привязка» интересующей нас разновидности норм к какой-либо одной формовыражающей правовой группе не является надлежащей. Несмотря на это, сам вопрос о структуре нормы права, как уже было оговорено, рассматривается в отечественной юриспруденции именно применительно к писаному праву, так же, как и «смежные» проблемы действия норм права (по предмету, во времени, в пространстве и по кругу лиц), их юридической силы²³.

Получается, поскольку «по умолчанию» принято говорить именно о структуре нормы права, выраженной в статье (ях) нормативного правового акта (и (или) нормативного правового договора), то, следовательно, нет причин для «механического» («автоматического») распространения конструкций, реализуемых в отношении писаного права, на иные, в том числе противоположные по наименованию, формальные выражения такового.

Но обоснованная позиция в отношении вопроса о количестве обязательных структурных элементов правовой нормы может быть сформирована только при обращении к соответствующим поведенческим правилам разновидности юридико-источниковой принадлежности, выраженным не только в нормативных правовых актах, но и, например, в правовых обычаях.

При этом, как видится, **о структуре правовой нормы** (которая, отметим это еще раз, по нашему мнению, *содержится в форме выражения права любого вида*) и в самом деле **можно говорить в двух аспектах: 1) словесно-содержательном и 2) формально-логическом**. Первый предполагает действительную, фактическую, «реально существующую» структуру той или иной конкретной нормы права, отображенной в ее непосредственной (основной) словесной (текстовой) форме. Второй аспект подразумевает наличие мыслительной модели формирования, формулирования, отображения и действия поведенческого правила, составляющего правовую норму. Логическая структура нормы права имеет ориентирующее (направляющее) значение для формулирования и распознавания конструкций фактических юридических правил поведения.

В писаном праве структура интересующей нас нормы выявляется путем анализа и синтеза, а также посредством иных приемов познания нормативного правового материала; т. е. она устанавливается по своему текстовому выражению. В неписаном праве текста у правовой нормы не существует, в связи с чем и возникают вопросы: о наличии у нее структуры, об элементах и возможностях гносеологии таковой.

Представляется, что способное к распознаванию строение (структура) у обычно-правовой нормы имеется. Равно как наличествует оно и у любого поведенческого стандарта правового характера (а, по всей очевидности, и у каждого социального правила вообще). Ведь *если есть юридически значимая модель поведения, то необходимо знать условие (я) ее наступления* (гипотезу нормы), а именно – владеть информацией о том, при каких фактах и обстоятельствах общественные отношения подпадают под юридическое воздействие. *Должно существовать и непосредственно само поведенческое правило*, его «основное» содержание (диспозиция), ибо без такового нельзя говорить о наличии какой-либо нормы вообще. *Необходимой представляется и информация о последствиях реализации диспозиции* (т. е. о санкции – независимо от того, носит она по отношению к воплотившему норму права «в жизнь» субъекту негативный (наказательный) или позитивный (поощрительный) характер), так как в условиях неопределенности следствия более чем затруднительно обоснованно утверждать о возможности государственного (международного) обеспечения юридического стандарта поведения. Таким образом, структура обычно-правовой нормы также представляет собой ее внутреннее строение, т. е.

²³ См. об этом, напр.: Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики: Дисс... докт. юрид. наук. – Горький, 1990.

совокупность составляющих элементов, присутствие которых дает возможность констатировать наличие целостного, единого поведенческого правила.

Обратившись по данной «схеме» к поведенческим правилам, выраженным и в иных формально-юридических источниках, мы, в конечном счете, сможем констатировать, что *структура типична для всех правовых норм без исключения и представлена тремя «классическими» элементами – гипотезой, диспозицией и санкцией*. Вместе с тем вопрос об обнаружении элементов, например, той же обычно-правовой нормы решается не совсем просто. Дело в том, что, в строгом смысле, для определения компонентного состава поведенческого правила интересующей нас разновидности необходимо существование его четкого лексического выражения. Такое может отражаться как в письменной (собственно текстовой), так и в устной (собственно словесной) форме. Главное в данном случае – это наличие возможности точного установления содержания.

Применительно к правовому обычаю мы можем говорить только о непосредственно-словесной форме отображения правовой нормы, ибо составляющее ее правило, приобретая письменный вид, либо не носит собственно-юридического характера (в том числе и по силе действия), либо перестает быть элементом обычного права.

Таким образом, оформленность у правового обычая имеется, но никакой четкостью она может и не сопровождаться. Причина заключается в том, что при изложении обычно-правовой нормы единственно значимым показателем выступает *верное отражение содержания* (а не простой текстуальной или устной речевой оформленности), так как слова (и последовательность их расстановки) в данном случае могут быть любыми, кроме тех, что искажают смысл.

Получается, что в преломлении к работе с собственно-текстуальным материалом распознавание структуры обычно-правовой нормы неосуществимо. Но поскольку правило поведения все же известно, то возможно сущностно-смысловое (для простоты скажем – ориентировочное) определение его элементного состава. При этом текстовое выражение выявленных компонентов должно восприниматься лишь в условном, установочном, ориентирующем, а не в буквальном количественно-терминологическом значении. По сути, речь идет *о толковательном выявлении* структурных компонентов обычно-правовой нормы.

Если обратиться к иному аспекту вопроса – уровню *качества правовой нормы*, – то можно заметить, что таковой (в срезе сравнений «высокое – низкое», «лучшее – худшее» и им подобных) никоим образом не зависит от вида «представляющего» поведенческое правило формально-юридического источника; т. е. «привязка» качества правового действия к какому-либо виду юридической формы у правовых норм отсутствует. При этом под качественным (в том числе и эффективным) юридическим воздействием мы понимаем такое, которое достигает своей цели (причем профильными методами и в рамках самого правового поля).

Например, применительно к обычно-правовой норме эффективность, не увязываясь с правоприменением, будет означать способность регламентировать общественные отношения и воздействовать на них с целью органически-упорядоченной реализации соответствующим (и) участником (ками) своих субъективных прав и (или) юридических обязанностей в рамках правового общения. Это предопределяется такими свойствами правового обычая, как: константное соответствие «духу права»; социальная органичность и одноименная адекватность; общественно-историческая ценность; способность «безболезненно» адаптироваться (в гипотезных и санкционных компонентах) к динамичным составляющим социальной среды.

Содержание правового обычая всегда соответствует сути права, справедливости, нравственности, т. е. тому, что со времен естественной школы права принято называть «духом закона». Органичность правового обычая, в свою очередь, обусловлена «естественной природой социального происхождения» такового (априори свидетельствующей о пригодности наличествующего «в нем» правила поведения для регламентации социального общения).

Последнее предполагает не только теоретически постулируемое, но и фактическое отсутствие противоречий между положениями обычного права и иных не юридических социальных норм.

Близко к органичности примыкает такое свойство обычно-правовой нормы, как ее социальная адекватность. Разница здесь заключается лишь в содержательных акцентах: если органичность предполагает главным образом естественную «вплетенность» обычно-правового правила поведения в гуманитарную нормативную систему, то свойство социальной адекватности имеет своим преимущественным значением поведенческое соответствие между практикой общественной жизни, реальными возможностями соответствующих субъектов социального бытия и имеющимся юридическим правилом. Общественно-историческая ценность правового обычая (закрывающаяся в его постепенном формировании, отображающем действительные правила взаимодействия лиц) предопределяет возможность «быстрой» и «безболезненной» адаптации такового к динамичным составляющим социальной среды.

К примеру, «разумность» срока, устанавливаемая правовым обычаем, может измеряться, в зависимости от исторического периода, весьма различно (притом что в любом случае таковой должен быть достаточным для определенного поведенческого акта и одновременно не затягивать его осуществление); но вот основное содержание словесного поведенческого правила при этом сохраняется.

Иными словами: конкретные составляющие обычно-правовой нормы меняются вместе с трансформацией социально-исторической обстановки, в то время как само правило поведения (в точном смысле данного термина) по сути своей остается одним и тем же. Таким образом, при динамике незакономерных компонентов обычноправовой нормативной системы ее элементы структурного характера, как и должно, остаются константными.

Дискусируется в юридической науке и вопрос о наличии правовых норм в актах высших судебных инстанций (причисляемых различными правовыми системами к области писаного или, напротив, к пласту неписаного права), в том числе исходящих от органов конституционной юстиции. Здесь в первую очередь следует отметить, что наиболее обоснованной и адекватной в данной связи представляется выраженная еще А.Б. Венгеровым позиция о рассмотрении содержащихся в актах высших судебных инстанций правовых позиций в качестве прецедентов толкования²⁴.

Нельзя не признать и аргументационных посылов позиции В.В. Блажеева (рассматривающего обозначенный вопрос в контексте отечественного гражданского процесса), согласно которой: «...излишнее увлечение Конституционного Суда несвойственной ему правотворческой (нормотворческой) деятельностью, попытки уйти от прямых ответов на вопросы о соответствии (или не соответствии) гражданско-процессуальных норм Конституции РФ, ошибочное толкование отдельных гражданско-процессуальных норм ведет к тому, что необоснованно нарушается внутреннее единство российского гражданского процессуального законодательства. Отдельные давно сложившиеся институты трактуются по-иному, вне системы гражданского процессуального права (например, лица, участвующие в деле). Представляется, что отмеченные моменты, характеризующие деятельность Конституционного Суда РФ, свидетельствуют о том, что Конституционный Суд РФ все более превращается из судебного органа, осуществляющего контрольные функции, в творца права», хотя «правотворческая функция Конституционного Суда РФ не вполне согласуется с конституционным назначением этого судебного органа в правовой системе российского государства»²⁵.

Но в целом все же представляется, что *ответ на вопрос о наличии в документах верховных органов конституционной юстиции правовых норм, хотя и не в качестве должного, но*

²⁴ Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: Дисс... канд. юрид. наук. – М., 1966.

²⁵ Блажеев В.В. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации и их влияние на развитие гражданского процессуального права // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 9 (57). – С. 53.

по факту, носит ситуативный (ситуационный) характер. Далеко не каждое постановление Конституционного Суда Российской Федерации, например, содержит в себе правовые предписания, обладающие свойствами именно правовых (ой) норм (ы). Вместе с тем, если исходить из признаков поведенческих правил интересующего нас вида, то некоторые конституционно-юстиционные нормативные правовые положения под каждый их них подпадают²⁶.

В качестве контраргумента здесь действительно можно оперировать лишь тем, что Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», указывая на толковательные полномочия соответствующего элемента государственного механизма и его правообязанности по разрешению дел о соответствии основному закону государства, не содержит формулировок, посвященных возможности творения этим же субъектом правовых норм²⁷. Вместе с тем такого рода предписания вообще не являются принятыми в отечественном нормотворческом юридико-техническом пространстве. Исходя из сказанного, полагаем, что устоявшуюся в отечественном учении по теории права формулу о том, что *правоприменительные акты (акты применения (норм) права) содержат индивидуальные, но не нормативные юридические установления, можно воспринимать не в абсолютном, а в относительном значении* (т. е. в качестве общего правила, имеющего определенные изъятия).

Здесь можно вспомнить указание Г. Кельзена на то, что «толкованию отводится особая роль в заполнении пробелов в праве. Однако подлинные пробелы не существуют. Лакуны такого рода означали бы невозможность разрешить юридический спор в соответствии с действующими нормами в силу отсутствия в статуте правила, относящегося к этому делу, что исключает его применение. Каждый правовой диспут содержит требование одной стороны к другой, и решение об удовлетворении либо отклонении такого притязания зависит от закона, т. е. от действительной нормы, используемой в конкретном деле, которая устанавливает или не устанавливает предъявляемое юридическое обязательство. Так как третьего варианта не существует, решение может быть создано, и в действительности всегда создается, на основании статута, иными словами, посредством его применения»²⁸.

Далее, рассматривая тематику правовых норм, следует упомянуть и о том, что в юридической литературе весьма многочисленны *вариации их видового деления* (классификации). С позиций правового действия (содержательного, целевого и функционального срезов) в качестве наиболее значимых традиционно указываются градации на: 1) нормы-принципы, общие и специальные нормы; 2) регулятивные (позитивно-регламентационные) и охранительные (отражающие регулирование «от противного») нормы.

Примечательно, что функциональное и ситуативно-действенное деление правовых норм, весьма актуальное до сих пор, получило активное развитие в 70-е гг. XX в. именно в увязке с научным рассмотрением вопросов систематики права.

²⁶ Так, многие акты Конституционного Суда содержат указание на то, что отраженный в них смысл тех или иных юридических предписаний является «общеобязательным», исключает иную правоприменительную трактовку. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июня 2006 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений части 11 статьи 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов законодательной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с запросом Правительства Москвы» // Российская газета. – 2006. – № 152. Иные же акты подобных указаний вовсе не отражают, носят сугубо судебно-процессуальный характер. См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 341 – О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Республики Узбекистан Барышевой Татьяны Васильевны на нарушение ее конституционных прав Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации», а также иными нормативными правовыми актами по вопросам приобретения гражданства Российской Федерации и правового положения иностранных граждан в Российской Федерации» // Документ опубликован не был (см.: СПС «КонсультантПлюс»).

²⁷ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 2 июня 2009 г.) // Российская газета. – 1994. – № 138, 139.

²⁸ Kelsen H. About the Theory of Interpretation // Legal Studies. Vol. 10. – 1990. – № 2, July. – P. 127–135.

Например, А.А. Ушаков подчеркивал, что «изучение правовых норм, составляющих систему советского права, позволяет в зависимости от их функций и структуры, от диалектики правового отражения разбить их на две подсистемы. С одной стороны, речь идет о положительных или регулятивных нормах, а с другой, об отрицательных или охранительных нормах.»²⁹. А.Ф. Черданцев говорит, что «нормы, регулирующие определенный вид или род общественных отношений, выполняют различные функции в регулировании этих отношений и могут специализироваться на регулировании не всего общественного строя в целом, а лишь его отдельных элементов. Но такая функциональная специализация предопределяет и тесные функциональные связи (координации) между самими нормами права. Эти связи цементируют институты, отрасли права. Придают им качество единственного подразделения системы права, а нормам права – такое качество, как системность, выражающуюся именно в функциональных взаимосвязях с другими нормами права... В системе права имеется и своеобразный механизм «саморегулирования», наличие которого обуславливает существование в системе права связей управления, координации. Роль такого механизма играют нормы о нормах: коллизионные, дефинитивные и оперативные. Это нормы специального действия, они не регулируют непосредственно общественные отношения, а лишь предписывают определенное отношение к другим нормам»³⁰.

Соглашаясь в целом с выраженным в приведенной цитате суждением, полагаем необходимым указать на то, что к числу обозначенных «связочных», «механизмообразующих» норм относятся и те, что возможно обозначить в качестве установочных. Их также принято называть *нормами-принципами*, а иногда и учредительными нормами. В качестве достаточно интересного, по нашему мнению, примера может быть приведено предписание ст. 2 Основного закона ФРГ, гласящего, что право личности на развитие ограничивается лишь правами иных субъектов, конституционным порядком и нравственным законом³¹.

Вместе с тем отметим, что говорить о специальном характере таких норм можно лишь имея в виду специфику их правовой роли и значения. В отличие от этого, под специальной нормой в юриспруденции «по умолчанию» принято понимать ту, что предусматривает какие-либо конкретизированные, особенные поведенческие правила.

Согласно С.С. Алексееву, и вовсе «некоторые подразделения юридических норм (деление норм на регулятивные и охранительные, регулятивных – на обязывающие, управомачивающие и запрещающие, а также совпадающие подразделения правоотношений) – это не одна из возможных классификаций, а группировка норм и правоотношений, непосредственно отражающая функции права... Функции советского права предопределяют главное деление юридических норм – на регулятивные (позитивного регулирования) и правоохранительные... К этим двум главным видам норм присоединяется третий – специализированные предписания: общие, дефинитивные, декларативные, оперативные, коллизионные.».

Помимо этого С.С. Алексеев особо отмечал существование конкретизированных нормативных предписаний. По словам ученого, в отношении таковых необходима и внутренняя градация: «по особенностям своего содержания они могут быть подразделены на две основные группы: а) детализирующие предписания (Д-предписания) – нормы, дающие конкретизированное решение определенной детали регулирования, которая относится либо к гипотезе, либо к диспозиции нормы...; б) вариативные предписания (В-предписания) – нормы, рассчитанные на регулирование в соответствии с основным нормативным положением в специфических ситуациях, особых условиях... С индивидуальным регулированием, осуществляемым в

²⁹ Ушаков А.А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Свердловск, 1970. – С. 24.

³⁰ Черданцев А.Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – № 8. – С. 12, 15.

³¹ Основной закон Федеративной Республики Германия (23 мая 1949 г.) // Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие / [сост. сб., пер., авт. введ. и вступ. ст. В.В. Маклаков]. – М., 2006. – С. 114.

процессе применения права, связаны главным образом В-предписания... Существование конкретизированных нормативных предписаний не привлекло достаточного внимания в нашей юридической литературе... В результате интеграции нормативного материала, с неизбежностью сопровождающей его дифференциацию (конкретизацию), законодатель объединяет конкретизирующие предписания и с этой целью, в частности, формулирует обобщающие положения, которые условно можно назвать генеральными предписаниями.»³².

В связи с этим стоит отметить, что видовая принадлежность правовых норм подлежит весьма тщательному учету при разрешении юридических коллизий. Так, представляется, что **правило о приоритете специальной нормы над частной имеет изъятие, представленное тем случаем, когда зафиксированный в нормативном правовом материале общий элемент отображает принцип(ы) права и (или) законодательства.**

Также, обращаясь к практике современной российской законодательной регламентации, отметим, что, по нашему мнению, число детализирующих норм в ней чрезмерно. Это вызывает возражения хотя бы по той причине, что норма права должна носить типовой, стандартизированный, модельный, «усредненно-поведенческий», а не разъясняющий или технико-процедурно-ситуационный характер. Это выводится из этимологии термина «норма» (образец, мера³³). В настоящее же время число нормативных юридических предписаний настолько многочисленно, а их содержание часто столь противоречиво, что стало утрачиваться само значение понятия «норма права»; даже среди специалистов ведется дискуссия о том, не являются ли предписания локальных актов нормами права, а сами такие документы – нормативными правовыми³⁴. С позиций правоведческих квалификаций подобные рассуждения не представляются оправданными.

Можно выделить и иные деления правовых норм. Так, предлагая собственную вариацию классификации норм права, прежде всего отметим, что интересующие нас поведенческие правила не тождественны по своей сущности. Это необходимо учитывать в контексте вопросов правовой структуризации и систематики, особенно при трактовке системы отрасли права как упорядоченной совокупности нормативно-определенных правил поведения, а системы права в целом – как совокупности всех соответствующих отраслей.

Говоря конкретнее, укажем, что содержание некоторых правовых норм, в той или иной вариации, отображается в любом (каждом) правовом порядке. Например, некоторые деяния «всегда» влекли за собой для совершившего их лица негативные социальные последствия. Достаточно вспомнить хотя бы запреты на убийство и тайное хищение чужого имущества (кражу)³⁵. В то же время иные нормы, имеющие юридическое значение, носят лишь временный (хотя, возможно, и весьма длительный) характер. Количество таковых в современной России очень велико. В качестве примера можно сослаться на предписания постановления Пра-

³² Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 103, 112, 113, 115.

³³ *Норма* (от лат. norma – руководящее начало, правило, образец) – узаконенное установление, признанный обязательным порядок, установленная мера, средняя величина чего-нибудь // Большой энциклопедический словарь // <http://slovarus.ru/index.php>

³⁴ См., напр.: Сырых В.М. Теория государства и права: Учеб. – М., 2005. – С. 110. В то же время иные представители юридической науки (к которым присоединяется и автор настоящей работы) выражают несогласие с причислением локальных актов к числу формально-юридических источников права (см., напр.: Теория государства и права: Учеб. для вузов / Под общ. ред. проф. О.В. Мартышина. – М., 2007). Вместе с тем среди представителей общетеоретического направления даже сторонники причисления локальных актов к формам выражения права ведут речь минимум об учредительных документах, в частности об уставах, организаций. В свою очередь, представители отраслевых направлений юридической науки признают формами выражения права и иные внутренние документы корпораций. См. об этом, напр.: Носов С.И. Акционерное законодательство России: История, теоретический анализ, тенденции развития. – М., 2001. – С. 122; Кравченко Р.С. Корпоративное управление: Обеспечение и защита прав акционеров на информацию (российский и англо-американский опыт). – М., 2002. – С. 74.

³⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 11 июня 2008 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

вительства Москвы «О концепции снижения уровней шума и вибрации в городе Москве»³⁶. Оно актуально именно для текущего периода и содержательно (как и сугубо формально-юридически) значимо только для мегаполиса.

Таким образом, без норм первого рода (пусть даже и не выраженных в письменной форме) упорядоченное взаимодействие субъектов права не будет возможным, пока человек («основной» субъект права) остается, выражаясь религиозным языком, «существом грешным». Поэтому первичные правовые нормы не создаются, а лишь оформляются и уточняются государством. Они «не отменяемы» на протяжении всей истории рода *homo sapiens*. О создании можно говорить только касательно юридической оформленности таких правил поведения. Нормы второго рода имеют производный (в глобальном смысле – необязательный, факультативный) характер.

В контексте исследования строевого ряда права из этого следует, что «нормативно-групповая» система интересующего нас феномена по своей структуре носит не просто отраслевой, но и **иерархический** характер, представленный двумя группами корреспондирующих норм – 1) *первичной* (исходной, постоянной) и 2) *производной* («вторичной»). Первичные нормы должны иметь примат перед нормами производными. В рамках самих групп может производиться дальнейшая градация, зависящая от восприятия тех или иных правил поведения различными правовыми системами как одного и того же, так и неодинаковых исторических типов. *Закономерности формирования структуры системы права этого среза обусловлены самой сущностью юридически значимых правил поведения, ведь такой уровневый компонент, как правовая норма, всегда будет присутствовать в системе права* (ибо без конкретных правил поведения нельзя констатировать и наличие их общностей, ассоциаций, массивов).

Несмотря на то, что сказанное нами отражает не все относящиеся к вопросам о форме, структуре и разновидностях правовых норм доктринальные и практические вариации, представляется возможным утверждать, что юридические правила, для того чтобы действительно регламентировать социальное поведение (влиять на него), должны обладать условиями, содержательными наполнениями и указаниями на последствия своего действия. Иными словами – *логическая структура нормы права* не просто является идеальной мыслительной моделью, но и *ориентирует к практическому качественному воздействию на общественные отношения* юридической разновидности типовых социальных установлений. Как видится, признание полного, абсолютного отсутствия в правовой норме какого-либо из структурных элементов (компонентов, частей) не может носить достоверного характера. И не только потому, что это будет свидетельствовать о нелогичности нормы права (что уже само по себе противоречит методологии юриспруденции); не только потому, что способные к отсутствию компоненты явления не могут носить в отношении ононого структурного (закономерного, стабильного, системообразующего, строевого) характера; но и потому, что существование именно каждого из трех звеньев (гипотезы, диспозиции, санкции) направлено на совокупное достижение цели юридического воздействия, на обеспечение его системного эффекта.

Подытоживая, укажем, что **правовая норма включает в себя триаду обязательных элементов**: гипотезу, диспозицию и санкцию. Логическая структура правовой нормы отображает все указанные части и выражается формулой: «если – то – иначе». При этом в юридической литературе достаточно популярно мнение, что не каждая правовая норма содержит в себе именно все три внутренне-строевых компонента. Вариации рассуждений о возможных к отсутствию частях достаточно многочисленны³⁷. В обобщенном виде можно сказать, что уче-

³⁶ Постановление Правительства Москвы от 16 октября 2007 г. № 896-ПП «О концепции снижения уровней шума и вибрации в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. – 2007. – № 65.

³⁷ См. по этому вопросу также, напр.: *Борисова Л.Н.* Общая теория процессуальных норм права: Дисс... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004; *Наврусь С.Ю.* Реализация принципов права в юридической практике: Дисс... канд. юрид. наук. – Казань, 2005; *Надеждин Г.Н.* Доктринальное толкование норм права: Дисс... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005; *Чугунов*

ные сходятся лишь относительно присутствия диспозиции в качестве неотъемлемого элемента правовой нормы, а обязательность существования таких частей, как гипотеза и санкция, оспаривается фактически постоянно. Существует в правовой науке и практике и противоположная позиция, заключающаяся по своей сути в том, что любая правовая норма всегда содержит в себе все три структурных звена (что, однако, не предполагает обязательности прямого способа их фиксации). Именно она и представляется нам верной.

Указания же на отсутствие в правовой норме либо гипотезы, либо санкции, либо их обеих относимы не к правовой норме в собственном смысле слова, а лишь к способу изложения таковой. Например, ссылки на отсутствие санкций у норм Конституции Российской Федерации представляются лишь неким «условным упрощением», так как основозаконные положения «обслуживаются» (должны «обслуживаться») соответствующими структурными компонентами всех иных национальных нормативных правовых форм.

В данной связи полагаем допустимым отметить и то, что положения самих преамбул ряда основных законов, в том числе и Конституции отечественного государства, могут восприниматься в качестве *основополагающей гипотезы* (за исключением, в нашем примере, слов «принимает Конституцию Российской Федерации»³⁸) для всех иных (в том числе и содержащихся в том же самом акте) норм российского (или иного национального) права. Это обусловлено принципиальным и ориентирующим правовым характером преамбул; а также тем, что именно они задают и отображают (в отношении иных формально определенных юридических правил) направление правового развития социума. «Установления» преамбулы основного закона государства конкретизируются и реализуются (должны реализовываться) во всех иных юридических нормах соответствующего правового порядка (в чем и проявляется прямой характер указанных предписаний, их способность вызывать юридические последствия).

Следовательно, за **преамбулой**, несмотря на оспаривание этого в некоторых специальных изданиях³⁹, вполне **можно признать статус нормы (норм) права**. По словам С.С. Алексеева: «...эти положения также могут быть охарактеризованы в качестве предписаний, только изложенных в соответствии с особенностями преамбул не в повелительной, а в повествовательной, описательной форме»⁴⁰.

По вопросу же о классификации правовых норм должно констатировать, что генезис и структурный характер таковых свидетельствуют об обоснованности и актуальности выделения их первичных и вторичных видов, различающихся между собой в зависимости от *константности присутствия в правовой сфере*.

Ю.О. Норма права и правоотношение: вопросы теории: Дисс.... канд. юрид. наук. – М., 2004; Шальмин М.С. Нормы права в системе соционормативного регулирования: проблемы соотношения и взаимодействия: Дисс.... канд. юрид. наук. – М., 2006.

³⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (ред. от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. – 2009. – № 7.

³⁹ См. на эту тему, напр.: Артемьева Р.В. Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации: Дисс.... канд. юрид. наук. – М., 2007.

⁴⁰ Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 87.

1.2. Правосистемные уровни юридических норм

Представляется, что надлежащее, последовательное обращение к тематике правовой структуризации и систематики не может быть осуществлено без исследования вопроса об *уровневой градации правосистемных ассоциаций*, «конгломератов» правовых норм. Это обусловлено наличием в нормативной правовой системе *не только горизонтальных* (в первую очередь, содержательно-действенных), *но и иерархических* (субординационных, «соподчиненных») правовых связей, выявление которых необходимо для установления структурных компонентов позитивного права, обнаружения свойств и характеристик его внутренней и внешней организации.

Причем при исследовании данной проблематики следует исходить из конкретно-исторических реалий; т. е. «нужно принимать во внимание особенности отдельных структурных общностей (семей правовых систем). Национальные правовые системы типа англосаксонского (общего) права так и не приняли характера структурно-развитых, замкнутых правовых образований», в то время как «правовые системы романо-германской правовой семьи образуют стройный ансамбль, «замкнутые системы»... Английское право – система открытая: оно выступает как метод, который позволяет разрешить любой вопрос, но не содержит норм, подлежащих применению в любых обстоятельствах»⁴¹

⁴¹ Алексеев С.С. Указ. соч. – С. 13; Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1967. – С. 302.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.